

быть учтивым и неучтивым в одно и то же время.* Кардинала все же хвалили за то, что он умел быть внимательным, когда хотел.**

У Кардинала, по словам Ла-Менардьера, было намерение основать в Париже большую коллегия с пенсионным фондом в сто тысяч ливров, куда он хотел привлечь самых выдающихся людей нашей эпохи. Там должна была бы разместиться и Академия, которая и управляла бы этой коллегией. В Парболие, как говорит тот же Ла-Менардьер, Кардинал незадолго до своей смерти вызывал его семь или восемь раз, дабы поговорить о своем проекте; и, невзирая на болезни и всякого рода дела, которые в ту пору обременяли его, он очень часто думал о нем. К тому времени, добавляет Ла-Менардьер, он уже купил какое-то здание для коллегии. Кардинал оставил довольно хорошую библиотеку, но скупость г-жи д'Эгийон и ее нерадливость в отношении этих книг обрекли их на жалкую участь. Покойный Фуриаль, обер-квартирмейстер, когда Король поселился в Кардинальском дворце, пожелал во что бы то ни стало получить ключ от библиотеки. Впоследствии там оказалось книг на семь или восемь тысяч ливров. Нынче там живет пустой щеголь де Ла-Серр, который превратил поместье бог знает во что.

Просыпаясь иногда по ночам, Кардинал любил диктовать свои мысли. На сей предмет к нему приставили одного бедного юношу, по имени Шере, родом из Ножана-ле-Ротре. Юноша понравился Кардиналу, потому что он был прилежен и умел молчать. Спустя несколько лет лекий человек был заключен в Бастилию; Лафемá, которому было поручено допросить узника, нашел в его бумагах четыре письма от Шере, в одном из которых юноша писал: «Я не могу прийти к вам, ибо мы здесь живем в страшной неволе и находимся в зависимости от величайшего тирана, который когда-либо жил на свете». Лафемá относит письма к Кардиналу, и тот велит немедленно позвать Шере. «Шере, — спрашивает он, — что у вас было, когда вы поступили ко мне на службу?». — «Ничего, Монсеньер». — «Напишите это. А что у вас есть теперь?». — «Монсеньер, — ответил бедный юноша, весьма удивленный, — мне надобно немного подумать». — «Ну, как? подумали?» — спрашивает Кардинал через некоторое время. — «Да, Монсеньер, у меня столько-то того, столько-то сего, и т. д.». — «Пишите». Когда все было написано, Кардинал спрашивает: «Это все?». — «Да, Монсеньер». — «Вы забываете, — добавил Ришелье, —

* С ним это почти никогда не случалось. Обычно он заставлял Демаре надевать шляпу, усаживал рядом с собою в кресло и требовал, чтобы тот называл его попросу «Сударь».

** Кардинал отвел герцогине Эгиптской маленькую комнату, где было шесть кукол: рожевица, кормилица, почти как настоящая, ребенок, сиделка, Повитуха и бабушка. М-ль де Рамбуйе, м-ль де Бугвиль и другие дамы играли с герцогиней в куклы. Каждый вечер кукол раздевали и укладывали спать, а на следующее утро снова одевали; их кормили, давали лекарства. Однажды она захотела их выкупать, ее с трудом от этого отговорили. «Ах, — воскликнула она, — плавный же малый Сен-Мегрен! Как хорошо он играет в куклы!».